

Независимая газета. — 2000. — 1 июня. — с. 7

Лев Додин

УЖЕ МНОГО лет каждый раз, проходя мимо стоянки автомобилей на площади Маяковского у гостиницы «Пекин», я поражался крошечному метражу площади, на которой разместил Олег Николаевич Ефремов главное, гениальное создание своей жизни — театр «Современник». Не верилось, что на таком небольшом пространстве умещалась духовная мощь и духовный масштаб этого театра, сыгравшего незабываемую и сегодня уже историческую роль в становлении тогда советского, а теперь и российского общества, в становлении людей, связанных с культурой. А люди эти, будем надеяться, одна из основ общества.

Сразу после первой оттепели, Ефремов, по сути, пытался связать разорванные концы и обратился к духовным истокам дореволюционного театра. Он попытался продолжить самый дух поисков Станиславского. Все то, что, как считалось, существовало в официальном

Лев Абрамович Додин — главный режиссер Санкт-Петербургского Малого драматического театра — Театра Европы.

Памяти Олега Ефремова

ЧУДО

государственном МХАТе и что на самом деле там давно умерло, Ефремов впервые в истории советского театра тогда, после огромного перерыва, собрал компанию единомышленников или, точнее сказать, единовульственников, компанию по сути своей глубоко антисоветскую, существовавшую каким-то образом легально. Это была одна из немногих, если не сказать единственная легально существующая диссидентская художественная группа, причем в отличие от позднее возникшего прекрасного Театра на Таганке, противостояние тогда было не просто не политическое, а сущностное, человеческое. Речь шла о возвращении понятия ценности отдельной человеческой личности, каждой человеческой индивидуальности, о трепете человеческой души. Это Чудо существовало не так долго, но пятнадцать лет для театра срок громадный, может быть, даже великий.

В театре «Современник» Ефремов был не только его главой, создателем, первым и замечательным артистом. Он был блистательным,

большим, настоящим режиссером. Такие спектакли, как «Назначение», «Вечно живые», «Голый король», — мощные создания режиссерского искусства XX века. И хотя потом Олег Николаевич поставил немало интересных, серьезных, замечательных, воздействующих на общественное сознание спектаклей, я думаю, что высота, взятая в «Современнике», была главной.

После своего «Современника» он прожил еще долгую трагическую жизнь, потому, что, так счастливо начав, попытался совершить еще одно чудо и повторить феномен «Современника» в недрах главного государственного театра страны, что, конечно, было по определению невозможно. Но мера наивности, с которой он верил в повторение Чуда, мера наивности, с которой он долгие годы боролся за то, чтобы это Чудо осуществилось, тоже говорит о величии и мощи индивидуальности его таланта.

В последние годы тяжелой и больной жизни его часто терзали. Многое казалось не тем, не таким,

не так. Но многие не задумывались, что было бы, если бы все эти годы пространство государственного МХАТа отстаивал бы не Олег Николаевич Ефремов, а личность с другой художественной позицией и другого масштаба. Мы вообще редко задумываемся, недовольные тем, что есть, о том, что могло бы быть, если бы не было того, что существует. Может быть, только уход человека заставляет на секунду всерьез задуматься о многом. И еще одно, возможно, не совсем скромное. Я навсегда сохраню, кроме своего почти детского восхищения талантом, обаянием и щедростью Олега Николаевича, огромную благодарность ему за ту помощь и доверие, что он оказал мне — совсем еще молодому режиссеру, пожалуй, в самые трудные годы моей жизни. Впрочем, думаю не я один, многие молодые не стали бы теми зрелыми и так зрелыми, если бы не помощь Олега Николаевича.

Сегодня мы часто слышим недовольство современной российской режиссурой, современным российским театром... Опять же стоит задуматься, каким бы он был и насколько хуже могло бы быть состояние и того и другого, если бы не блистательная, полная отваги, мужественная и героизма жизнь в искусстве Олега Николаевича Ефремова. Мир праху его...